

ГВАРДИЯ КОММУНИЗМА

Юрий НАГИБИН

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА...

Это так мало в историческом бытии человечества, но так много в жизни одного человека, да и целого поколения. Дети, родившиеся в 1945 году, сейчас уже кончили вузы, другие отслужили действительную службу, и все стали самостоятельными людьми с профессией, прочным делом в руках; иные обзавелись семьей, узнали родительские радости и горести. И очень многие сейчас старше годами, чем были их отцы, сложившие головы на поле брани.

Все же, когда я думаю о том солнечном майском дне сорок пятого года, мне кажется, что он был вчера, а многие важные события моей жизни, случившиеся куда позже, отвалились в дальний угол памяти. Я буквально кожей чувствую солнце того майского дня, в ушах звучит та далекая музыка, в сердце поет безмерная радость и безмерные надежды, подаренные тем необычайным днем. Наверное, нельзя писать о 9 мае 1945 года лирически — тут нужны не флейты и скрипки, а тяжелоозвонкая медь, но куда денешься от того, что день этот при всей его всемирности, историчности был **твоим** днем, праздником **твоего** изболевшегося сердца. Нет, никуда от этого не деться: каждый живой вспоминал тогда своих мертвых, каждый еще раз прощался с теми, кому уж никогда не прийти назад, и каждый думал о будущем, о том, чтобы по-настоящему, по-крупному прожить дарованную тебе жизнь. Слезы печали и радости отдельных людей сливались в единый поток. Каждый был сам по себе, и каждый был частицей ликующего народа.

Мне хорошо помнится улица Горького, на которой я тогда жил, вся запруженная, забитая москвичами, и чувство нескazanного братства, расpirавшее грудь, и мысль — не мозга, а души: вот так бы всегда жить, как в этот день, в таком единстве, общности, взаимопонимании, с таким чувством локтя.

Я столкнулся с человеком в ките без погон — толпа бросила нас друг на друга: пустой левый рукав его был засунут под ремень, на груди — золотая полоска «за тяжелое ранение». В ту пору контузия, ныне напоминающая о себе лишь слабым лицевым тиком, сводила мне мускулы лица, шею, плечевого пояса весьма приметными корчами, будто дергали невидимую веревочку. Мы больно ушиблись друг о дружку, и во взглядах, которыми обменялись, не было особой симпатии. Но каждый сразу прочел историю другого...

— Братик, — сказал однорукий с выражением, какого мне не забыть до конца дней, и неловко вытащил из-за борта кителя початую бутылку портвейна, заткнутую газетной затычкой.

Он зубами извлек самодельную пробку, хлебнул из горлышка и протянул бутылку мне. Я сделал глоток, и, честное слово, в жизни не пил вкуснее и слаще вина, чем этот дешевый портвейн!

— Братик, — повторил инвалид, блестя глазами, — Мы-то, а? И так он нас, и эдак... Накосся!.. Мы вот портвейчок пьем за победу, а ихнему Адольфу сроду винца не попробовать. Подумать только, такая сила навалилась, а мы... А, братик!..

Ах, как хорошо понял я его тогда, понял, что он разумел своим последним восклицанием.

Я тоже подумал о том, с чего началась та грозная, кровавая, та невероятная страница истории, в конце которой мы выпили посреди ликующей Москвы за молодую, только что объявленную Победу...

ЭТО БЫЛО прекрасным — под стать этому майскому — солнечным июньским днем.

Страна жила обычной летней жизнью: школьники разъезжались на каникулы, в пионерские лагеря, Артек, на взморье, на дачу или к бабушке в деревню, студенты сдавали последние экзамены, начиналось блаженное время летних отпусков, время реки и моря, леса и гор, цветов и ягод, грибов и орехов. И был к тому же воскресный день, люди стремились из городской духоты на природу, другие намеревались провести день на стадионе, в парке или в бассейне, а иные работали — ведь и в воскресный день не может замереть трудовое движение. И тут, обрваав на полувдохе, полужесте, полуслове, полуулыбке, полупризнании всю текущую жизнь, прозвучало страшное, черное слово — **ВОЙНА**.

Гитлеровские полиция вторглись в пределы Советского Союза. Самолеты с паучьими саастиками повисли в чистом небе нашей Родины.

Разрывая омерзительным свистом воздух, посыпались бомбы на города и села, фабрики и заводы, школы и больницы, на молодость и старость, на любовь, на труд, на социализм.

Чуждые состраданию и сомнению, исполненные тупой веры в свою безнаказанность, в свое право, вбивали кованые железом сапоги в плоть нашей земли покорители Европы, их вели испытанные фельдмаршалы и генералы, все эти браушчи, леебы боки, рундштедты, листы, рейхенау, гудерианы, клейсты, манштейны. Их имена были скорбной памятью о захвате Чехословакии, разгроме

Польши, Югославии, падении Парижа и позоре Франции, кошмаре Бельгии и Голландии, трагедии Норвегии, о страданиях многих народов, утративших национальную свободу и независимость. Эти имена наводили ужас на простых людей многострадальной Европы, но только не на тех паренков в пилотках со звездочкой на коротко стриженной голове, что встречали гитлеровских вояк на разных рубежах войны, обретшей для нас имя Великой Отечественной.

За гитлеровскими генералами, за вермахтом было преимущество внезапности, полной отомобилизованности, инерции победных маршей по странам Европы.

Но вот в самом начале войны, как бы на пороге вторжения, им заступил путь маленький гарнизон Брестской крепости — и многие ли поняли тогда, что уже тут определилась судьба гитлеровских полиций.

Эта крепость — прообраз Москвы, Ленинграда, Севастополя и Сталинграда. При всей несоизмеримости масштабов в Бресте в полной мере проявилось то главное, обо что разбилась дерзость новоявленных тевтонов, — **СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР**.

ЭТО И БЫЛО тем самым главным «секретным оружием» русских, о котором велось столько восторженных и удивленных, восхищенных и недоуменных пересудов на Западе.

А ведь мы не делали никакой тайны из этого оружия. Его можно было воочию видеть еще в дни гражданской войны, в дни разрухи и восстановления, в дни коллективизации и первых пятилеток, в том, как отсталая, нищая сельская Россия стремительно становилась могучей индустриальной державой. Но, ослепленные своими эфемерными успехами, гитлеровцы проглядели это наше самое сильное оружие, перед которым пресловутый меч Зигфрида оказался картонным.

Этот наш характер позволил в кратчайший срок отомобилизовать всю экономику, перестроить промышленность на военный лад, создать великую уральскую, сибирскую кузницу победы, оснастить нашу армию великолепным современным оружием, в первую очередь артиллерией, превосходящей немецкую, — песни наших «Катюш» до сих пор звучат в ушах тех, кто некогда бодро шагал на восток, — пустить в небо Яки и Илы, а по земле могучие танки; дать бойцам в руки отличные автоматы, противотанковые ружья и пушки.

Советский характер открыл гитлеровцам, считавшим, что в военном деле их нечему учить, такой маневр, как воздушный таран, как бросок живой человеческой плоти против огнестрельной стали.

Такой героической жертвенности, как подвиги Гастелло, Матросова и многих других, разных им, не знал мир, не знало человечество.

НАДО было выстоять любой ценой, и мы выстояли!

У нас был великий опыт Октябрьской революции и гражданской войны, труда пятилеток, когда мы создавали становой хребет индустрии, коллективизировали сельское хозяйство, наращивали мощь Красной Армии.

У нас была славная **ленинская Коммунистическая партия**, с которой мы шли от победы к победе все годы жизни нашего государства, и ни один из нас не сомневался, что и в новом тяжелейшем историческом испытании ленинская Коммунистическая партия приведет к Победе: мы приняли войну как новую тяжелую работу, требующую и крови, и пота, и засучили рукава.

Мы выстояли, потому что для нас война с первого дня стала народной. Никто не остался в стороне! И это не метафора, а простая правда — что земля горела под ногами гитлеровцев.

Выстояв, мы повернули войну вспять и погнали неприятеля вон из наших пределов.

И тут ошеломленные гитлеровские вояки своими боками познали, что такое передовая советская стратегия и насколько превосходит она окостеневшие формы германской военной науки: молниеносные прорывы, котлы, танковые рейды по глубоким тылам врага и открыленное вродушевление воинов, уже ощутивших на губах вкус победы, сокрушили казавшуюся неодолимой гитлеровскую военную машину.

Победа создавалась не только на линии огня, но и на заводах, фабриках, колхозных полях.

Как оказали себя в лихую годину золотые руки рабочих и колхозников, светлый разум народной интеллигенции, талант, воля и сердца ученых, инженеров, художников — певцов во стане народа-воина!

Но можно смело сказать, что главная тяжесть тыловой жизни легла на плечи наших женщин. Они и работали днем и ночью, и заменяли мужчин в тех профессиях, которые от рода считались неженским делом, становились краповщиками, литейщиками, укладчиками рельсов, кузнецами, кочегарами, водили поезда, пароходы, многотонные грузовики. И урожай вырабатывали и собирали женщины — в деревнях мужчин и вовсе не оставалось.

Святые наши женщины и детей растили, и в очередях простаива-

ли, и топливо для печурок раздобывали, а по ночам при свете коптилок чинили детское белье, ставили заплату на заплату и одеревеневшими от усталости пальцами писали мужьям на фронт слова веры, надежды, любви.

А кто строил оборонительные рубежи под огнем противника? Женщины!

Что сказать о детях, лишенных всего, чем радостно детство, и нашедших в своих маленьких душах взрослые силы, чтобы учиться, помогать матерям, собирать металл для войны, ухаживать за больными и беспомощными! Что сказать о стариках, принесших в жертву давно заслуженный отдых и вернувшихся к станкам, в учреждения, учебные заведения, чтобы не в меру сил, а сверх сил работать на Победу!..

И с какой удивительной выдержкой, достоинством и неиссякаемым чувством юмора переносили наши люди и на фронте, и в тылу бесконечные, большие и малые, невзгоды: будь то задержка союзниками второго фронта или необходимость пользоваться всевозможными заменителями — от красала до яичного порошка. Недаром же образ советского бойца нашел совершенное воплощение в обаятельном балагуре, терпеливом мудреце, добром смельчаке Василии Теркине.

Мутится разум и мертвеет душа, стоит лишь на мгновение представить себе, что было бы на

земле, если б наше оружие дрогнуло, если б мы склонили голову перед врагом.

История пошла бы вспять, в тьму варварства, к неандертальской этике. И не было на земле иной силы, кроме нашей, способной отстоять Человека, созданную им великую цивилизацию, творения художественного гения, свободу светлой научной мысли, вдохновение чистого сердца.

ПОБЕДИВ, мы вернулись к мирной жизни.

Но наученные Лениным постигать движение истории, умудренные опытом битвы 1941—1945 годов, мы поняли, что не пришел еще час перековать все мечи на орала, что сверканье нашей стали должно оставаться грозным предостережением тем, кто мыслит вновь посягнуть на мировое господство. За четверть века, минувшие со дня Победы, мы не только двинули вперед нашу индустрию и сельское хозяйство, нашу культуру, мы создали могучий огневой щит, надежно прикрывающий нашу Родину и все дружественные страны.

Мы спокойны и бдительны. Мы хотим мира. У нас большие созидательные планы, и мы будем решительно и неуклонно отстаивать дело мира от агрессоров всех мастей.

Золотые россыпи души трудового человека, устремленной в будущее, — источник вдохновения писателя и живописца, артиста и зодчего, скульптора и режиссера. Герой новой жизни требует и новых художественных средств для своего воплощения. Нужен порыв, вдохновение и безоглядная любовь к своему народу, сотворившему величайшую Победу, а ныне творящему Будущее.

сов. культура, 1970, 9 мая